

большинство составляли математики, однако, насколько нам известно, обсуждавшиеся ими богословские вопросы не были каким-либо явным образом связаны с математикой (то есть никак не «соединялись» на видимом уровне).

Эти замечания не мешают нам, однако, достаточно высоко оценить проделанную Л. Грэхэмом и Ж.-М. Кантором работу, приобщающую русского и западного читателя к чрезвычайно важной и в высшей степени интересной проблематике.

Из материалов рассматриваемой нами статьи превосходно видно, что многое в нашей истории объясняется движением идей, происходящим вовсе не на поверхности, а на значительных глубинах сознания (или даже бессознательно). «Читать в сердцах» – не представляется методом научным, но пытаться доступными нам средствами проникнуть глубже уровня фактов, лежащих на поверхности, и хотя бы моделировать возможные ходы таких движений – задача, без сомнения, заслуживающая внимания и представляющаяся нам в высшей степени актуальной. Поэтому публикуемый текст двух известных исследователей следует, по нашему мнению, приветствовать.

ОТВЕТ Л. ГРЭХЭМА И Ж.-М. КАНТОРА НА ЗАМЕЧАНИЯ А. ГЕРОНИМУСА, С. С. ДЕМИДОВА И А. Н. ПАРШИНА

Прежде всего мы хотели бы поблагодарить авторов этих замечаний за тонкие и ценные наблюдения, сделанные в связи с нашим исследованием, и выразить свою полную солидарность относительно необходимости дальнейшего кропотливого изучения обстоятельств рождения московской математической школы. Мы полагаем, что с нашей публикации дискуссия лишь начнется, но не в коей мере ею не закончится, и поэтому мы в высшей степени признательны нашим русским коллегам за их вклад в обсуждение проблемы как в рамках данной публикации, так и в их прошлых работах. Наше исследование в большой степени зависело от результатов, полученных российскими учеными.

Наиболее серьезное возражение, выдвинутое против наших доводов, заключается в том, что связь Лузина с *имяславием* не может быть удовлетворительным образом обоснована, так как нет ни архивных, ни каких-либо иных данных, указывающих на существование такой связи. Мы согласны с тем, что до сих пор не было найдено никаких архивных оснований для такого утверждения, и прямо говорили об этом в нашей статье (см. примечание 92).

Однако мы не думаем, что Лузин непременно должен был быть «членом» некоего сообщества *имяславцев*, чтобы испытывать влияние *идей имяславия*. Вот два наиболее важных вопроса для нас. Знал ли Лузин о существовании этих идей? Имеются ли какие-то указания на то, что эти идеи могли повлиять на него? На наш взгляд, имеющихся данных достаточно, чтобы ответить на оба вопроса утвердительно.

Во-первых, знал ли Лузин об *имяславии*? Конечно, знал. Об *имяславии* знал любой интеллигентный москвич начала XX в. Когда венгерский журналист Рене Фюллоп-Миллер приехал в Москву в начале 20-х гг. и начал писать о культурной и интеллектуальной жизни того времени, он очень быстро пришел к сюжетам об *имяславии*. В своей книге «Geist und Gesicht des

Bolschewismus: Darstellung und Kritik des Kulturellen Lebens in Sowjet-Russland» он посвятил ему более четырех страниц. Среди прочего он писал:

Хотя это антиматериалистическое учение в настоящее время разделилось на множество школ и групп, различающихся по многим важным вопросам, их все объединяет одно невидимое общее устремление – вера в Русскую православную церковь. У них всех одна общая цель, хотя достичь ее они пытаются разными путями, – возрождение души, возвращение к жизни истинной православной веры.

Среди самых заметных «онтоматодоксия», или «имяславие», к которому тяготеет большая часть интеллигенции, а также значительная часть крестьянства. Этой школой, учащей о магической силе божественного имени, руководят лучшие люди России.

Возможно, в этих словах есть некоторое преувеличение, но если заезжий журналист-иностранец быстро понял, сколь влиятельно движение имяславцев, то можно допустить, что о нем знали все образованные люди Москвы. Нет нужды доказывать, что Лузин посещал какой-либо *имяславческий кружок* или был *имяславцем*, чтобы прийти к выводу о его знакомстве с идеями имяславия, – достаточно признать, что он был московским интеллигентом тех лет. Более того, Лузин был связан с двумя людьми, об *имяславческих* пристрастиях которых нам точно известно: своим бывшим учителем Егоровым и бывшим однокашником Флоренским. Все согласны с тем, что Лузин был глубоко религиозным человеком, и с тем, что имяславие занимало важную часть в религиозных дискуссиях того времени. Принимая все это во внимание, было бы чрезмерным буквализмом, как нам кажется, требовать доказательств, что Лузин знал об *имяслави*. Конечно же, он знал!

Во-вторых, есть ли доказательства какого-либо влияния *имяславия* на Лузина? Этот вопрос имеет еще большее значение. И это более сложный вопрос, ответ на него может быть только интерпретативным, и далеко не все согласятся с нашими интерпретациями. Но мы думаем, что по крайней мере один важный элемент такого доказательства может быть найден в архивах РАН, и он был замечен Роджером Куком. Кук писал, что Лузин «неоднократно делал попытки исследовать концепцию «поддающегося наименованию» объекта [...] Лузин очень усердно пытался *наименовать* все счетные порядковые числа». А в одном месте Лузин написал на полях на плохом, но понятном французском: «Nommer, c'est avoir individu». На наш взгляд, для него, пишущего эти слова, было бы просто невозможно не заметить, сколь близка выражаемая им мысль *имяславцам*. В этот самый момент он и они подчеркивали акт «наименования» как установления существования некой сущности, будь то математической или божественной.

Однако есть еще одно красноречивое обстоятельство: Лузин долгое время пользовался термином «именные множества», используя для обозначения нового раздела математики тот же самый корень («имя»), которым пользовались *имяславцы* для обозначения своей новой религиозной практики.

Мы признаем косвенный характер своих доказательств. Мы так и не доказали, что Лузин находился под влиянием *имяславия*. Но в истории идей почти никогда не удается доказать наличие причинно-следственной связи. Больше, на что можно рассчитывать, это найти убедительное допущение. Мы надеемся, что нам это удалось. Мы благодарим наших российских коллег за их внимание к результатам наших трудов и приглашаем всех, кого интересует эта тематика, к дальнейшему диалогу.